

ОЛЬГА ВЕРЕЩАГИНА

Нарекаю тебя женщиной

Ольга Верещагина

Нарекаю тебя женщиной

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120454

ISBN 9785448519666

Аннотация

Трудно, трудно быть безгрешным, А судить еще сложнее. Плачет ангел в поднебесье От грехов, от встреч, потерь. Плачет ангел безутешно, Плачет, в чем его вина? Он живет совсем безгрешным, Только в чем же суть дана? Чтоб покаяться, наверно? А потом вновь согрешить. Сложно, трудно быть безгрешным, А еще сложнее судить.

Содержание

Цыганская любовь	5
Вдовьи столы на День Победы	12
Степанида	24
Часть 1	24
Часть 2	29
Часть 3	36
Часть 4	41
Часть 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Нарекаю тебя женщиной

Ольга Верещагина

© Ольга Верещагина, 2017

ISBN 978-5-4485-1966-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цыганская любовь

История, рассказанная моей бабушкой

– Сваты едут, сваты едут к Нюрке Шаныгиной! – кричали бежавшие за тройкой мальчишки. По пыльной дороге катилась тройка. На облучке сидел кучером бондарь дядя Ефим и ещё четверо седоков: Чертопятов Тимофей Ильич с женой Анной Матвевной и сыном Алёшкой, а на облучке рядом с кучером важно восседала сваха Матрёна, дородная, разбитная баба, и звенела колокольцем.

Анна Матвевна сидела важно рядом со своим мужем и назидательно поглядывала на своего великовозрастного единственного и ненаглядного сыночка Алёшеньку. Тот, в свою очередь, притих и смирился со своей участью. Сидел и размышлял о женитьбе и о Нюрке. Нюрка ему не нравилась, но отцу перечить он не стал – побоялся лишиться капитала. Алексей привык резвиться и гулять на отцовские денежки. Ни в чём себе не отказывал и не мог понять, с чего отцу вдруг захотелось его женить. Сам Алексей ещё не нагулялся. Баб у него было много. Он мог любую уговорить, но перечить отцу не стал. Нюрка – девка статная, высокая, бедра широкие, талия осиная, грудь пышная, один недостаток – строга, очень скромна и к себе не подпускала, а Алексей этого

не любил. Семья у Нюрки была намного беднее, но капиталец имели и за ней давали хорошее приданное, да и девка сильная, работающая – детей нарожает на радость отцу и матери, и пусть нянькаются, а он, Алексей, уедет в город, будет заниматься торговлей и жить в своё удовольствие, изредка наезжая в родное село.

Тройка подкатила к новым тесовым воротам Шаныгинского дома и остановилась. Народу собралось много, все ждали и между делом разглядывали приезжих, о чём-то переговаривались и посмеивались.

А в доме стоял переполох, все быстро собирались, прихорашивались и наводили порядок. Никита Иванович Шаныгин был из обедневшего купеческого рода, а революция и ещё подкосила его состояние, имел пару лавок в городе, две тройки лошадей, два дома, немного земли, сады и хозяйство – тем и жили. Жена его умерла, оставив ему двух детей – сына Ивана и Нюрку. Долго не думая он женился на мещанке Марии Ивановне и привёз её в село вместе с её дочерью Настасьей. Хозяйствовать Мария Ивановна не умела и не любила, поэтому всё хозяйство держалось на Нюрке, ей уже в ту пору было двадцать пять лет. Злые языки поговаривали, что Мария Ивановна долго не хотела выдавать Нюрку замуж, боясь лишиться работницы, но Никита Иванович настоял – и вот они ждали сватов.

Мария Ивановна носилась по дому, как ведьма на метле, а Нюрка ходила степенно, уверенно и ловко приводила всё

в порядок. Отец уже ушёл встречать сватов, а она всё сновала туда-сюда и, только когда услышала шум в сенцах, скрылась в светёлке.

Нюрка сидела в светёлке и ждала своей участи. Отец ей сказал, что они уже предварительно договорились и ударили по рукам. Ей пора замуж, что дом богатый и будущей свекрови она приглянулась – значит, ей там будет хорошо. А ещё сказал, что без неё ему будет худо, но замуж её выдавать всё равно надо, а Алексей парень видный, богатый и единственный сын Тимофея Ильича, а он его не обидит... Так сидела и размышляла Нюрка, пока в горнице велись переговоры и накрывались столы. Алексей парень, конечно, видный, весёлый и наговатый, и не очень нравился Нюрке, но ей не хотелось перечить отцу, да и подружки давно уже детей нарожали, а она ещё в девках, да мачеха достала совсем. Было ей тревожно на душе вот ещё почему: нравился ей парень соседский из казаков – Васька Панин. Нюрка была ростом высокая, а он был невысокий, ласковый, кудрявый, с большими лучистыми голубыми глазами, как у его матери. Жили они с отцом вдвоём в большом старом казачьем курене, не бедствовали, но богатств больших не имели. Мать Васьки, веселая, озорная, голубоглазая красавица – казачка Павлина, умерла рано, оставив его на попечение отца. Васька по хозяйству управлялся не хуже бабы. Всегда старался ей помочь управиться с хозяйством, наносить воды коровам и коням и даже однажды решился у отца попросить её руки, но отец

категорически отказал. В селе знали историю о том, как через село вели арестованный цыганский табор, как жена барона родила цыганёнка, еле живого, просила Христа ради сберечь, как помрёт. Мальца тогда взяли бездетные казаки Панины и выходили за своего. Отец Нюрки о нём и слышать не хотел, говорил, что в нём цыганская кровь, и вообще отца Васькиного побаивались и не общались. А как Васька пел, его глаза светились завораживающим светом, сердце у Нюрки колотилось, готово было вырваться из груди...

Вдруг шум в горнице стих, и в светёлку выплыла сваха Матрёна.

– Ну, что, красавица, притихла? За тобой пришла. Отец кличет, и жених со сватами заждался. Что скажешь? Пойдёшь, ай нет за нашего красавчика Алёшеньку? Хорош наш молодец. Да и ты красава, пара будет, отменная получится... Да чего зарделась? Ну, так выйдешь али нет? Все уж заждались.

Нюрка встала, потупилась, а Матрёна запричитала и стала её выталкивать в горницу. Нюрка поправила косу, бант и вышла. Что и как дальше было, она не запомнила в точности. Отец для порядку её спросил – согласна ли она выйти замуж за Алексея, она сказала, что согласна. Её подвели к Алексею и объявили женихом и невестой, а потом посадили в передний угол под иконы за стол рядом. Родители договорились о свадьбе на Покров и приданом, а затем запили всё это самоголкой...

Веселье длилось до вечера. Нюрка сидела ни жива ни мертва, Алексей тискал её то за руку, то ещё пониже, но она стойко сносила это, только щёки её пылали багрянцем. На прощанье отец и Тимофей Ильич поручкались ещё раз, обнялись и оба остались довольны друг другом. Тимофей Ильич тем, что взял хорошую работницу и хозяйку в дом. Никита Иванович тем, что объединился с богатым родом и хорошо свою любимую дочь пристроил. Алексей на прощанье пристально и нагло посмотрел ей в глаза и прижал к себе как бы невзначай, но Нюрка и это стерпела, ведь теперь Алексей скоро станет её мужем...

За полночь все уgomонились и прибрались, а Нюрка всё сидела в своей светёлке и думала, как она будет жить в большом каменном доме, да ещё хозяйкой, а сердце так и щемило, что с Васькой судьба не свела, но отцу перечить не смела.

Утром Нюрка проснулась, от бешеного крика и топота. Отец ворвался в светёлку, стащил с неё одеяло и с криком: – Убью, сука!!! – начал хлестать её вожжами.

Мария Ивановна кинулась её отбивать, но он и её доставал. Нюрка очнулась на полу в сенцах, на клеёнке, покрытой тряпицей. Тряпица была вонючей и влажной... Тело болело и жгло огнём. Перед нею на коленях стояла бабка Мотовилиха, молилась и причитала одновременно:

– Изверг, чуть не покалечил девку. А если б убил... У-у, изверг...

Нюрка лежала, боясь пошевелиться. Пришли брат Иван

и отец, молча перенесли её в светёлку на кровать. Немного погодя прибежала Настька, сводная младшая сестра. Она рассказала, что произошло.

– Ой, Норка, слава Богу, жива. Вот совсем вызверился отец. Утром он вышел со двора и увидел, что новые тесовые ворота вымазаны дёгтем, да так сильно, что не отмыть. Ему пришлось ворота снимать и строгать, но соседи уже увидели и разнесли по селу, что ты порченная и опозоренная. Отец отстегал тебя и мать вожжами в гневе почти до смерти. Пока ты приходила в себя, приезжали от Чертопяттовых с отказом – кто возьмёт опозоренную девку? А намазал ворота твой дружок Васька Панин, его отец чуть не убил за это.

– Ой, Настька, да ведь меж нас ничего не было. Зачем он так сделал? Как же жить теперь?

– Васька дал отпор отцу, – сказала Настька, – пришёл к Никите Ивановичу с повинной и просьбой отдать за него тебя. Сказал, что любит больше жизни и не отдаст развратнику и гуляке Алексею. Когда был запой, он, Васька, всё время просидел под лавкой и всё видел и слышал, и решил, что не отдаст тебя этому Алексею. Отец выгнал его, но потом смирился. Ой, Нюрка, и лютует же он, а мать довольна, что ты в доме останешься вековать. Меня замуж отдадут на будущий год за Ивана, а ты ей помощницей будешь. А братуха поспорил с отцом. Ну, в общем, отец согласился и отдаст тебя за Ваську, ежели не обидится и не передумает. Вот так-то, сестрица. Побегу, а то батяня увидит, что я тут, и всыпет

по первое число. Да, совсем забыла, Васька ещё передаёт тебе записочку... На, прочти... Я прочитала... Счастливая ты, Нюрка... Ничего, рубцы скоро затянутся, до свадьбы всё заживёт...

Нюрка слушала, тихонько плакала, и даже не зная от чего – или от боли и обиды, или от радости, что Васька добился своего. В записке Васька просил у неё прощения за всё и просил выти за него замуж. Слёзы радости и боли катились по её впалым и серым от болезни щекам, в глазах горел озорной огонёк надежды на счастливое будущее. В светёлку зашёл отец, как-то неуверенно и осторожно присел на край кровати, тихо спросил:

– Ну что, правда али нет, что с Васькой съякшалась?

Нюрка отрицательно покачала головой и отдала записку.

Отец прочёл записку, отвернулся, засморкался и сказал:

– Да бог с вами, чё учудили. Поправляйся и скажи, пусть потом присылают сватов. Всё равно опозорена, ить никто не возьмёт...

А дальше была свадьба на Покров, и вошла Нюрка королевой в старый большой казачий дом, где жили два настоящих казака-цыгана, а главное – была большая любовь, было много счастья и горя, зато вместе. За всю совместную жизнь Василий и Нюрка ни разу не повысили друг на друга голоса и были счастливы до тех пор, пока он не погиб на войне. Ну а это уже другая история.

Вдовьи столы на День Победы

Из сборника рассказов

«Нарекаю тебя женщиной»

Сегодня Девятое мая – День Победы... Для меня это особый день, день поминовения и памяти...

С тех пор прошло почти пятьдесят лет, но я по-прежнему в этот день иду в церковь. На улице праздничное настроение, отовсюду звучат военные марши, фронтовые песни, все улыбаются и приветствуют:

– С праздником, великим праздником, с Днём Победы!

– И вас с праздником, – отвечаю я и иду дальше.

Мой путь лежит, как тогда, много лет назад с моей бабушкой, в церковь. У меня в руках пакет с пирогами и блинами, а ещё маленький шкалик, как учила меня моя бабушка.

В храме много народу, но, как всегда, среди толпы резко выделяются старушки в чёрном.

Я молча покупаю свечи, ставлю Георгию Победоносцу, Всем Святым, на поминальный стол, становлюсь в ряд перед алтарём и жду... Чего жду – сама не знаю, наверное, свидания с прошлым. Память возвращает меня в те далёкие годы, когда мне было чуть больше пяти лет...

– Завтра великий праздник – День Победы, – говорит моя бабушка. – Сегодня буду печь блины и пироги. Пиво и квас

готовы. Пойдём, Олюшка, навестим дедушку Васю. Ты его не знаешь. Хороший был человек. Все его любили, а я души не чаяла...

Она надолго уходит в себя. Ходит по дому, ставит тесто, печёт блины и чему-то всё улыбается, вытирая уголком платка глаза, кивает в такт своим действиям и воспоминаниям. В этот день мы её не трогаем, не отвлекаем от раздумий.

– Не мешай бабушке, – говорит мама, – у неё сегодня особый день...

Мне непонятно, что за день такой особый, но я жду. Настанет завтра, и я всё узнаю...

По дому распространяются вкусные запахи – предвестники праздника.

Я удивляюсь:

– Почему праздник, а яйца не красят?

Бабушка в ответ смеётся, гладит меня по голове:

– Скоро всё узнаешь, умница моя.

Мне тепло и радостно от её прикосновений и ощущения причастности. Я помогаю ей во всём, вернее больше мешаю, но она не сердится, а только спокойно меня учит и показывает, как нужно делать.

Мне радостно и тревожно, любопытно и непонятно, что же за праздник такой.

Вот всё готово, наступает вечер.

Меня укладывает бабушка спать пораньше, долго сидит на краешке кровати, гладит, похлопывая по ручке, и говорит:

– Ну вот и пришёл очередной этот день – Великой Победы... Спи, радость моя, утро вечера мудренее... Рано встать придётся завтра.

Бабушка целует меня в маковку. Я проваливаюсь в сон мгновенно, а она сидит рядом и чему-то улыбается сквозь слёзы.

Утром я проснулась оттого, что услышала, как бабушка что-то шепчет. Открыла глаза и увидела, как бабушка стоит перед иконами и молится. Я лежала и боялась пошевелиться. Было что-то странное, торжественно заворачивающее в том, что делала бабушка... Она была одета в тёмную одежду и на голове чёрный плат под булавку. Зажгла и поставила свечку у киота, и шептала молитвы. Она стояла ничего и никого не замечая и молилась. Из всех слов, которые она произносила, я поняла только вот эти:

– Господи, прости и помилуй раба твоего Божия Василия за погубленные им души, дай успокоение его душеньке и пошли царствие небесное...

Она молила Господа о прощении ему греха убийства, ибо этот грех не прощается и не снимается, но как можно было отстоять мир, не убив врага, мне было непонятно. Мне было непонятно, почему бабушка называет дедушку рабом и грешником.

Она встала на колени. Кланялась и молилась, молилась и плакала. Слёзы сбегали ручейками по щекам, но она ничего не замечала...

– Господи, будь милостив к воинам погибшим, защищая малых и старых. Приведи меня перед смертью к его костям, чтобы найти и похоронить по обряду и знать, что ты принял его в свои объятия. Господи, дай мне в конце моего жизненного пути маленькое свиданьице с ним, чтобы попросить прощенье, простить его и отпустить его грехи... Господи милостивый, будь отцом родным. Помогни... – так причитала она, молилась и плакала, а я боялась пошевелиться. Мои глаза наполнились слезами. Я не могла ни плакать, ни дышать... Я знала, что дед погиб под Москвой в сорок втором, пропал без вести. И поняла, что она до сих пор его ждёт и любит.

Бабушка встала с колен. Потушила свечку. Подошла ко мне. Погладила меня по голове и сказала:

– Вставай, радость моя... Пойдём к дедушке на свидание.

Я быстро встала, оделась. Бабушка взяла узелок, завязанный в белый платок, и мы пошли. Для меня в этом было что-то таинственное и непонятное, и новое. Я не могла понять, как мы можем увидеться с дедушкой, если он умер? Мы шли по улице. Навстречу нам шли нарядные люди, и все здоровались с бабушкой и отводили глаза. Но чем ближе мы подходили к церкви, тем больше я видела женщин в чёрном. Они шли, прискорбно опустив голову в чёрных платках, молча, кивали, здороваясь, и входили в церковь. Я спросила бабушку:

– Бабушка, а кто эти тётки и почему они, как и ты, в чёрном?

– Это вдовы, деточка. Их мужья и сыновья, и женихи погибли во время войны на фронте. Сегодня поминальный праздничный день, будут служить праздничную панихиду, можно будет помянуть без вести пропавших, таких, как мой муж, твой дед Вася. Пойдём, скоро начнут.

Мы вошли в полумрак храма. Святые со стен строго смотрели на меня, я ближе придвинулась к бабушке.

– Не бойся, деточка, Господь добрый. Не бойся. Вот тётя Маруся – у неё тоже муж пропал без вести. А вот тётя Надя, ты же знаешь – у неё дядя Федя так от ран не оправился, умер в госпитале в Польше. Здесь много наших, просто сегодня они грустные и строгие, давай пойдём свечки купим, поставим за павших и живущих. Будешь большая, всегда приходи и ставь свечку Девятого мая, в День Победы за них. Если бы не они, нас бы не было. Упокой, Господь, их душу. Пусть земля им пухом будет...

Бабушка подошла к церковной лавке. Купила свечек и заказала панихиду. Мы подошли к иконам Георгия Победоносца и Всех Святых поставили свечку. Потом подошли к поминальному столу. Бабушка положила свой узелок на него и поставила свечу, всплакнула и сказала:

– Помяни, Господи, душу без вести пропавшего раба Василия. Приведи его к своему покровительству, дабы придать земле для успокоения... Аминь, – бабушка перекрестилась, а потом взяла мою руку и осенила меня моей же ручкой.

– Учись, моя умница, пошли, встанем в ряд. Скоро нач-

нут.

Мы встали в ряд напротив алтаря. Женщины приходили все молча, опустив в скорбном поклоне головы. Их было много. Они, молча, кивали всем в качестве приветствия, клали свои узелки на поминальный стол, покупали свечи и становились в ряд. Они стояли рядами, прискорбно опустив головы, и каждая думала и вспоминала своего погибшего родственника. Было в этом что-то страшное и тяжёлое, безысходное. Наверное, общее вдовье и материнское чувство горя и потери, женское – обездоленное, возлюбленное, утраченное, невосполнимое ничем... Они стояли рядами, как когда-то уходили их мужчины на фронт, стояли и жали... Чего?.. Как говорит моя бабушка, свидания с прошлым, с памятью... Но труднее всего тем, кто до сих пор не знает, где упокоились кости их солдата, и даже свечку нельзя поставить за упокой, чтобы успокоить душу.

Я беру бабушку за руку, интуитивно прижимаюсь к ней. Напряжение нарастает. Тёмные лики святых в отблеске свечей и лампад строго и одновременно ободряюще смотрят на меня, как бы даруя мне своё покровительство и благословение. Пахнет ладаном, свечами, пирогами. Женщины стоят рядами как вкопанные, каждая со своими мыслями, скорбно склонив голову.

– Помяни, Господи, душу убиенных защитников Отечества, солдат и офицеров, и всех воинов, сложивших свои головы за нас грешных. Дабы продолжался род человеческий.

Вечная память... – громогласно в тишине пробасил священник.

Панихида началась. Вдруг запели певчие, да так, что захотелось плакать. Их голоса поднимались в купола и заполняли своим звучанием всё кругом.

Женщины ещё ниже склонили головы, и каждая потихоньку вытирала глаза и повторяла слова священника.

Я стояла и не могла даже двинуться, понимая, какое это горе – война и сколько жизней она унесла... Я стояла и представляла, как солдаты шли и гибли. Кровь и смерть. Мне становится страшно. А что было бы, если не победили? Слезы сами бежали по моим щекам. Я их даже не вытирала.

Вдруг слышу голос моей бабушки:

– Не плачь, Оленька, не плачь. Они нас защищали, а нам жить за них достойно нужно. Пошли, Господи, последнее свиданьице и поклон на могилке моего Васеньки перед моей смертью. Знать бы, где лежит, спокойней в мир иной будет отходить. Всё выполнила по чести.

Это потом, почти через тридцать лет, школьники зеленоградской школы найдут могилу деда и ещё двух штрафников, павших за Родину, и будет она, моя бабушка, стоять у братской могилы на коленях и прощаться с ним, и радоваться своему счастью, что Господь привел её перед смертью свидеться и выполнить всё, что положено.

А тогда мы стояли и слушали наставления священника:

– Молитесь за спасение их душ, чтобы было им легче сто-

ять перед Господом и ответ держать пред ним за свои грехи. Грех убийства всё равно непрощённый грех, но Господь милостив, молитесь, просите Его, и Он простит и не оставит в своей милости... Воины пали смертью храбрых за нас, и мы им должны... Помяни, Господи, всех воинов, погибшей в этой страшной войне...

Панихида закончилась. Бабушка крестится и шепчет:

– Господи, пошли последний поклон, дай мне перед смертью узнать судьбу и могилу Васеньки. А ты, Оленька, запомни этот день и, когда меня не будет, приходи сюда в День Победы... – говорит и плачет, и у меня слёзы тоже текут не оставливаясь, а она меня гладит по голове и говорит:

– Не плачь, радость моя, не плачь. Пойдём на кладбище сходим, на безымянную могилку. Отнесём поминочек, может, зачтётся.

Бабушка взяла свой узелок, и мы пошли со всеми вместе на кладбище...

Женщины расходились по могилкам родных и близких, а мы с бабушкой подошли к безымянной могиле. Она развязала свой узелок и развернула, аккуратно поправляя смятые кончики. Получился стол на могилке. На платке лежали блины, пирожки и маленький шкалик с водкой.

– На, Оленька, поешь блинка, помяни дедушку. С Победой тебя, Васенька. С Победой, родимый. Помни, моя хорошая, это день, не забывай. На тебя вся надежда. С Днём Победы...

Она открыла шкалик, глотнула водки, зажмурилась и закусила блином, и надолго замолчала. О чём она думала, что вспоминала, я сейчас могу только догадываться, только по отдельным фразам я поняла, что она всё ему рассказывала – про маму, про дядю Ваню и дядю Сашу, про себя, про меня. Говорила: «Смотри, Вася, какая внучка растёт, красавица». А я не могла понять, как же он увидит... Потом поклонилась ему трижды, перекрестилась и мы пошли домой, молча. Я смотрела на бабушку и вдруг поняла, что она просто помолодела, всё рассказала и всем поделилась, а от этого ей стало легче... Жизнь продолжается.

Мы пришли домой.

Первым делом бабушка сняла всю тёмную одежду, надела яркую, нарядную, повязала красивый платок. Налила мне горячего чая и дала ватрушку с творогом. Господи, мне и сейчас кажется, что вкуснее я ничего не ела. Улыбнулась молодой своей улыбкой...

– Ну вот, как с Васенькой повидалась. Пошли, Оленька, в луга, праздновать Победу будем, как тогда... в сорок пятом году.

«В луга» – это так называли соседнюю Луговую крайнюю улицу. Она заканчивалась выпасными лугами, которые тянулись до кромки берёзовой колки¹. Вот там в мае в сорок пятом году и поставил первые столы из старого забора чьей-то усадьбы, разобранный впопыхах... И стало традицией отме-

¹ Колка – роща, лесок в поле.

чать всем миром День Победы в лугах. Эти «вдовьи столы», так их в народе окрестили, выставляли во дворах, на улицах, в парках, чтобы отмечать всем миром и никого не забыть, поскольку труднее всех пришлось вдова и матерям, не дождавшимся своих с фронта. Эти застолья многие помнят. Для одних грусть, для других веселье. Для нас, детей, просто развлечение, веселье, праздник.

Вот и тогда у кромки берёзовой колки стоял большой стол, сколоченный из нестроганных досок, с ножками, сколоченными крест на крест, как тогда в сорок пятом. У столов стояли разнообразные лавки и стулья, заранее принесённые женщинами. Столы стоят ещё пустые, ободранные, неказистые, как напоминание о том далёком мае сорок пятого года...

Мы с бабушкой пришли первыми. И принесли с собой корзину с пирогами, ватрушками, домашним пивом и вином... Пиво бабушка умела варить лучше всех.

Какая красота. Тишина, много света, солнца. Тепло. Деревья ещё не распустились.

Мы сели на скамейку, и бабушка стала рассказывать:

– Ну вот, Оленька, как тогда... В сорок пятом... Ой, когда узнали, что победа, как с ума сошли... Кричали, орали, ревели. У Гнеденых разобрали забор, быстро сколотили столы. Бабы сами уже столярничать научились... Времена были голодные. Несли всё, что у кого было. С нами два мужика было: старый дед Колушный и Иван Евгеньич – безрукий,

так бабы их чуть вусмерть не затискали. Самогонки наташили. И тут что началось... Наташка только школу закончила на гармошку, мы её замучили. Два дня гуляли. Как с ума сошли... Пели, плакали, смеялись... И пили, пили, пили... А зачем – не знаю. Может, просто горе самогоном залить или жажду... Не знаю... Напились все вдрызг. Клавка Платунова – чуть не умерла, а у неё муж Павел погиб в сорок четвёртом в Польше. У неё четверо детей осталось. Чуть сиротами не стали. Едва откачали. А Степанида, она и замужем не успела побыть, так в чёрном и до сих пор ходит. Три дня не отходила... Собирались с Колькой идти в сельсовет расписываться, а его забрали, и в сорок втором под Москвой полёг. А она всё ждёт... Даже я тогда напилась, хоть мне и нельзя было. Я же в войну получила благословение священника на проведение обрядов, поскольку некому было... Вот грех какой... И то плясала... Не могла удержаться. Радость она со слезами пополам... Были все как шальные... А когда потом столы пришли убирать, все уревелись – радость она радость, но наших нет и мы молодые, и детей поднимать одним, и пенсии нет – без вести пропавший. Да что говорить... Ты ещё маленькая, много не понимаешь. А сейчас много время прошло, а вот оно сердце не даёт покоя, ноет и плачет. Вон бабы идут... Люблю сюда приходиться, когда ещё никого нет, пораньше, посидеть в тишине, повспоминать... Ты, Оленька, не забывай, что нас всех горе и счастье объединило, мы сейчас ближе родных. Вон мои дети поразъехались по стра-

не места лучшего искать... А зачем? А мы все здесь и по-
прежнему здесь. А ты помни... Тебе продолжать... Умру, не за-
бывай, сходи в церковь, поставь свечку, закажи панихиду,
сходи на могилу и помяни, налей стопку, закуси блинком.
Времени немного займёт, а по чину... Знай, жизнь она раз-
ная – много светлого, но и чёрные полосы встречаются... Как
без них... Он, Господь, поможет их пережить. Ну вот и бабы
идут... – давай накрывать, веселиться будем.

Мы сидели с моей бабушкой на грубой скамье, спиной
упираясь в настил, такой же грубый, нестроганный, как гробы
их мужей, погибших на фронте, который скоро станет сто-
лом – вдовьим столом на празднике Победы...

Степанида

Часть 1

– Олька, вставай, ну вставай, уже светает, – будит меня моя бабушка. – Вставай! Пора... Зимой выспишься.

Я нехотя просыпаюсь, потягиваюсь. Глаза не хотят открываться. Я ещё сплю, но бабушка рядом, гладит по голове, целует в лоб, проверяя температуру, и говорит:

– Вставай, моя хорошая, вставай умница моя. Время...

Я открываю глаза. В комнате горит свет. Едва светает, на улице ещё темно и только маленькая красноватая полоска на востоке. Солнце уже проснулось.

– Иди умойся на дворе из рукомойника. Водичка прохладная. Сон как рукой снимет.

Я, ежась от прохлады и сырости ночи, выбегаю босиком во двор. Там стоит полумрак. Полусвет рассвета уже изменил очертания сарая и хлева. Всё тихо и волшебно. Мокрая от росы трава влагой охлаждает ступни. Я на носочках подбегаю к рукомойнику и резко поднимаю его сосок. Холодная вода с шумом льётся мне в ладони. Я быстро обрушиваю её на лицо и взвизгиваю от удовольствия и прохлады. Хорошо! Бабушка стоит с рушником на крыльчке и смеётся. Мне одиннадцать с половиной лет, и я счастлива, что есть бабуш-

ка, что на улице лето.

– Ох, вот уедешь в город, долго буду вспоминать твой визг. Твои песенки и стишки. Твой голосочек, милая, звучит в ушах всё время, и я с тобой разговариваю вслух долгими зимними вечерами. Ты моя соловушка. Как-то сложится твоя судьба... Ох-хо-хо-хо...

Я ненадолго задерживаюсь с ней на крылечке. Она обнимает меня за плечи, и мы стоим, слушаем рассвет.

Мне тепло рядом с ней. Она мягкая. Вкусно пахнет выпечкой и вареньем, ванилином. Она считает, что тому дано знать много, кто умеет услышать даже то, чего не слышно. Мне пока этого не понять. Но я стою и вслушиваюсь в густую тишину рассвета.

Вдруг где-то рядом заголосил петух. Да так громко и заливисто. Ему ответил другой, а потом третий, и так по цепочке началась утренняя петушина перекличка.

– Ну, вот и Стёпа встала. Пошли, попьёшь чайку и пойдёте... Вся надежда на тебя. Кружит она лесом. Она просила, чтобы я с ней пошла, да не могу. Читать нужно по покойнику – обещала. Она тебя попросила проводником. С ней пойдёшь. Ты молодец, хорошо в лесу ориентируешься. Далеко пойдёте. Время утренние травы с росы собирать...

Бабушка налила мне чая с душицей. Запах был такой душистый, с травами и мятой. Дала мне на большом блюде ватрушек с румяной корочкой. Я не могла никак решить – какая на меня смотрит, чтобы съесть. Выпечки все были краси-

вые и вкусные. Там были и с творогом, и с вареньем, и с картошкой, и с изюмом, с маком. Я выбрала с творогом. Сидела и ела, попивая ещё дымящийся чай. Бабушка заваривала крутым кипятком и пила только горячим, и меня приучила к этому. К чаю она подавала старинную сахарницу с комковым сахаром и маленькими изящными щипчиками для колки сахара. Они были изящные, блестящие, с открытыми кончиками, всегда готовыми раскусить кусочек сахара. Я всегда брала их с осторожным уважением, со слов бабушки, это осталось от её приданого... А что это такое, для меня было загадкой, и я не могла представить бабушку с приданным...

Я сидела на большом старинном кованом сундуке. Он был покрыт красивым лоскутным покрывалом. Меня всегда удивляла способность моей бабушки из ерунды сделать полезную вещь. Вот из лоскутков она шила необычайной красоты лоскутные одеяла, коврики, покрывала и накидки, которые всегда выделялись своим разноцветием и разнообразным орнаментом. Я пила чай с ватрушками, разглядывая красивые лоскутки на покрывале и наблюдала за бабушкой, как она собирала меня в дорогу.

– Пойдёте на затон. Там плутать нечего – две дороги, обе идут к затону и домой. Не заблудишься. Сводишь её на Матрёнину падь. Помнишь, я тебе показывала, там сосну-вековуху разбило молнией в прошлом году. Ей уже, почитай, сто пятьдесят лет точно, её ещё мой дед знал и показывал, а мне уже скоро семьдесят пять годов... Старая становлюсь, ты

моя надёжа и замена. Обратно пойдёте – зайдите в Берёзову гриву, за триозёрским полем, наберёте беленьких на супец, хочется свеженьких... Да много не берите, потом сходим ещё за грибами отдельно. А траву бери понемногу всякой, Стёпа покажет, – так бабушка говорила, собирая меня в дорогу.

Моя бабушка была читальщицей, она читала псалтырь по покойникам, и травницей. Много знала и помогала людям, и меня потихоньку учила. Я приезжала к ней на лето. Я любила этот край красивых лесов и лугов. Всё лето мы с ней пропадали в лесу, на лугах – собирали травы, ягоды, грибы... Меня она отправляла проводником со старухами, её подружками. Они были уже старыми и кружились в лесу, а я всегда всех с лёгкостью выводила и ещё я слушала их длинные рассказы. Бабушка считала, что Лесовик меня любит и открывает мне свои заветные места и тайны. А я всегда брала с собой конфетку и пряничек ему. При входе в лес всегда оставляла под ракитовым кустом и тихонечко говорила:

– Лесовичок, Лесовичок, добрый старичок, на тебе подарочек – пряничек и конфетку, а мне дай взамен грибков и ягод лукошко.

Так бабушка говорила и снаряжала меня в дорогу:

– Вот тебе котомка за плечи, она холщовая, легонькая. Там целлофановая накидка от дождя, носки сухие. Из еды – ватрушка с вареньем, два яйца и огурцы. Кусочек ржаного и чесночина. Хватит, в лесу много не съешь. Да ещё марля,

не пей из ручья без марли. Прощи водичку и пей. Положу кваску кисленького, чтобы пить много не хотелось, бутылочку. Всё. Пошли одеваться. Уже скоро три часа утра. Солнце скоро встанет.

– На тебе шаровары из саржи с резинками внизу, чтобы не забрались клещи. Надевай. А это рубашечка ситцевая с длинными рукавами. Ничего не сжаришься, зато целей будешь, и лёгкий дождевик с капюшоном... Мало ли что, вдруг дождь или ещё чего... не промокнешь. Вот, надень мои сапоги резиновые, они лёгкие и свободные. Ну, вот и все. Да, вот платочек беленький, чтобы головку не напекло. И крестик надень, сбережёт в пути, – говорит бабушка, надевая мне крестик на белой бечёвке.

– Ну, давай посидим напоследок и пойдём к Стёпе – так бабушка называла свою соседку и подругу Степаниду Ившину.

Мы садимся на сундук рядом и тихо просто сидим, каждая думая о своем.

– Господи, благослови рабу Божию Ольгу на дорогу и приведи обратно к родному порогу... Иисус Христос впереди, Богородица позади, Адам и Ева по бокам, и они помогут нам. Ну вот... С Богом. Пошли.

Часть 2

Бабушка надевает мне на плечи холщовую котомку, ей же сшитую для меня из льняной холстины. В углы котомки вшиты винные пробки, и на них была привязана мягкая, прочная, из льняной пеньки верёвка, закреплённая кольцом на горловине. Всё выглядело простым рюкзачком. Он хорошо лежит на спине и греет, и мы выходим в рассвет...

Господи, как же я любила это время... Чудное, познавательное, беззаботное, полное радости, любви и покоя. Меня мои старухи учили всему. Учили и любили. Я была одна, а их много – старух-вековух и вдов, подруг моей бабушки, прошедших войну и оставшихся в одиночестве.

Во дворе уже забрезжил рассвет. На востоке небо порозовело, и редкие лучики пробивались как будто из-под земли. Стояла предрассветная тишина. Ворота скрипнули. Бабушка им, как живым, сказала:

– Ну, тише вы, всех разбудите. Пошли.

И мы пошли.

Степанида, или тётя Стёпа – так её все называли, жила через дом от моей бабушки. Избушка Стёпина, «двуглазка» – так бабушка её называла, была старенькая, покосившаяся, почти вся покрытая фанерой и толем. Крыша немного съехала набок. У дома была широкая завалинка, засыпанная свежим опилом. Бабушка стукнула в окно тётё Стёпе, и мы сели

на завалинку ждать. Было тепло и уютно на этой завалинке. Опил ещё не остыл за ночь и отдавал своё тепло.

Солнце начинало потихоньку подниматься из-за горизонта, выбрасывало свои косые лучики, как бы предупреждая – я здесь, я скоро явлюсь миру. Воздух стал густым, тягучим. Рассвет приобрел какие-то сиренево-розоватые оттенки. Светало. Появилась роса. Утро вступало в свои права.

– Слушай внимательно. От Степаниды ни на шаг не отходи. Потеряется, не найдём. Она в прошлом году потерялась – за ТриОзером нашли, три дня блукала. Не балуйся, гляди в оба. Как наберёте травы, повернёте домой. Выходить из леса по солнышку. Солнце будет бить в лицо, прямо. По правую руку просека, там дорога до Озёрок, а там всё ты знаешь, там наши места. Смотри не потеряй Стёпу. Она уже старая, ей скоро девяносто лет. В лесу кружит. Поняла? Будь умницей. Давай поправлю котомку. Вон Стёпа идет.

Ворота скрипнули и отворились. Из серо-сиреневатого раствора ворот вышла Степанида.

Вид у неё был необыкновенный. Я даже растерялась. Взгляд её тёмных, поблёскивающих в темноте глаз, был колючим и цепляющим всё и вся. Нос орлиным крючком нависал над впалым беззубыми ртом. На голове был чёрный платок под булавку, как у староверов, а под ним выглядывала полоска белой косынки. Эта полоска придавала её облику какое-то невыразимое, до внутренней дрожи волнение и одновременно доверие. Белый и чёрный цвета, как наша

жизнь, как печать и радость, шествующие рядом. Она заперла ворота палкой, вставив её наискось в ручку, и подошла к нам. На вид ей было лет девяносто, а то и больше. Сморщенное лицо излучало такое внутреннее спокойствие и одновременно решительность. На ногах были надеты стёганные чуни с галошами, обвязанные лыковым драньём. В чуни аккуратно заправлены выдавшие виды солдатские галифе, выглядывавшие из-под длинной до полу чёрной юбки, подобранной впереди для удобства в ходьбе. Поверх был надет старый полосатый мужской пиджак, застёгнутый на все пуговицы и с завернутыми, не по росту рукавами. В руках была корзина-травница и холщовая котомка, а в другой – большой, с лоснящейся от времени коряжкой наверху, батог².

– Доброго здоровьица, Лёля, и тебе, Олька. Что, не выпалась? Ужо выпишься зимой. Ну что, присядем на дорожку. Нонче далеко пойдём. Дорожка дальняя с отдыхом. Готова? Ну, Господи, благослови.

Мы сели на ещё тёплую с вечера завалинку. Утро вступало в свои права. Восход уже окрашивал небо в розоватые, с желтыми всполохами тона. Стояла звенящая тишина. Роса поблёскивала на траве. Лес издали казался ещё тёмным, не тронутым рассветом и загадочным. Так было хорошо и уютно сидеть рядом с бабушкой и Степанидой. От Степаниды пахло парным молоком, она только подоила свою козу однорого Маньку, и ладаном, и ещё чем-то знакомым и тёплым.

² Батог – посох, длинная и толстая палка для опоры при ходьбе.

Это запах до сих пор щекочет мне в носу, и наворачивается слеза от избытка любви и радости, что это было.

– Ну всё, пора. Пошли, Олька. Дорога дальняя.

Степанида с размаха надевает котомку и быстро, размашисто, не по-старушечьи, уверенно идёт вперёд. Я иду следом. А бабушка нам в спину шепчет:

– Господи, сохрани в дороге старого и малого. Дай лёгкого пути и обратно приведи. Да не пустыми, а с поклажей. В добрый путь, в добрый час. Смотри, Олька, не потеряй Стёпу и себя блюди. Ну, с Богом!

Я почти бегом нагнала Степаниду, и мы пошли вровень. Шла она быстро, уверенно переставляя ноги и сосредоточенно о чём-то думая, всматривалась в ещё тёмную кромку леса. Дорога была ровной, песчаной и влажной от росы. Идти было легко и радостно. Для меня дорога всегда – это радость новых впечатлений и ощущений. Я очень любила такие путешествия, и за это меня бабушка называла беглянкой и непоседой. Мне всё казалось, что все эти путешествия не простые, а путешествия в тайну других миров...

Подойдя к кромке берёзового колка, Степанида резко остановилась и преградила мне дорогу своим батогом:

– Стой, Олька, без молитвы нельзя переступить границу. Мы ведь сюда не званы пришли, нельзя зря тревожить лесных жителей в неурочный час.

Степанида стала шептать разрешительную молитву, а я, по наущению бабушки, подошла к ближайшему кустику

и положила под него пряничек и конфетку для Лесовёнка – я всегда беру с собой и задабриваю его, и говорю тихо-тихо, чтобы слышал только он:

– Лесовичок, Лесовичок, на-ка тебе сладкий пряничек от меня в подарочек и конфетку, лакомься, а ты впусти, научи, сохрани и одари, а ещё домой проводи с полным лукошком. А я отдам тебе немножко...

– Ну, вот и всё. В добрый путь. Благодарю тебя, Владычица за покровительство... Пошли смело, Олька. Да не шуми. Гости мы тут, гости, гости мы...

Мы двинулись дальше. Она чуть вперёд, как бы оберегая меня от темноты и неизвестности, а я осторожно за ней. Впечатление было неопишное. Лес внизу у земли был тёмным, пахнущим прелыми листьями и землей, с тёмной, почти чёрной зеленью и светлым – играющими ранними лучиками света и солнца, пробивающимися сквозь кроны берёз, и едва уловимым движением ветерка, который начал тормозить верхушки деревьев – всё, пора, утро пришло.

– Гляди в оба, Олька. Здесь всяк зверёк знает своё место... и время. Вон видишь, дятел стучит, ранняя птица, почему по-тёмному? Потому что жуки ночью едят, а к утру ленивые и не успевают убежать.

Мы идём, и Степанида полушёпотом мне всё рассказывает и показывает:

– А хочешь, покажу, сколь красиво растут грибы и как их видно на рассвете. Вот смотри, скинь котомку и пригнись,

вот так, и посмотри снизу вдаль вдоль земли. Смотри сколько их здесь, а если подняться не видать. Это Лесовик их прячет и ни за что не покажет тому, кто не уважает его правила. А их везде надо блюсти, ну пошли...

В лесу было сумрачно и тихо. Мне стало почему-то тревожно. Я поближе подошла к Степаниде, и мы пошли вперёд. Пройдя около часа, мы вдруг вышли на яркий утренний луг, обрамлявший большое поле с поспевающей озимой рожью. Это была такая красота! В лучах утреннего, яркого, ещё косого солнышка раскинулось желтеющее море ржи, вперемешку с ромашками и голубыми огоньками васильков.

По краям поля росли ряснички-сосенки, буйствовали луговые травы и цветы. Запах утра и цветочной пыльцы витал и кружил голову. В небо взмыли два жаворонка и запели, с перепугу наверное. Застрекотала любопытная сорока. Всё ожило.

– Всё, устала малость, давай завтракать, в ногах правды нет, – сказала Степанида и пошла к опушке, где выстроились ряд сестрёнки-сосёнки на ковре из лесных духмяных трав и цветов.

– Господи, до чего ж хорошо! Жить хочется... Иди, Олька, постели накидку и садись. Давай попьём молочка с чёрным, у меня свежий – вчерась испекла. На, посыпь песочком – вкуснее, послаще будет.

Я подошла и встала, жаль было мять эту невероятную красоту. Потом постелила накидку и села. Как здорово бы-

ло сидеть и пить парное козье молоко со свежеиспечённым ржаным хлебом, посыпанным сахарным песком. Этот вкус до сих пор мне иногда чудится. Нет сейчас такого вкусного хлеба...

– Смотри, тётя Стёпа, вон парочка жаворонков, как высоко поднялись. Заливаются. Даже почти не видно.

– Да, милуются, как в жизни... А знаешь, Олька, у меня ведь тоже была любовь, я ведь тоже была молодой...

Она сидела, прислонившись к сосенке, и смотрела на жаворонков. Просто сидела и о чём-то думала. Я ей не мешала. Я не могла представить Степаниду молоденькой, ещё и с парнем. Я сидела и молча ждала. Ведь должна же была случиться тайна, и ещё одна загадка раскроется. И это чудо случилось...

Часть 3

Степанида вдруг заговорила каким-то чужим скрипучим, мне не знакомым, со слезой голосом:

– А знаешь, Олька, какая я была в молодости ладная и красивая...

Потом надолго задумалась. Я её не торопила. Мне так хотелось узнать всё. Мы сидели у кромки поля, солнце уже поднялось и припекало, пчёлы проснулись и кружили, и жужжали, собирая мёд. Рожь немного шуршала спелыми колосьями. Я сидела, затаив дыхание, и ждала рассказа Степаниды. Вдруг она продолжила:

– Да, молодо-зелено. Если бы знать, где упасть – соломки постелил бы. Ой, какую я красавицей была, но с характером... Росточком маленькая, ладненькая. Волосы тёмные, глаза большущие, как спелые вишни. Жила с мамой и тёткой. Отца не было. Баловали они меня они меня почему зря. Женихов много было, да все негожи.

Мать мне всё говорила:

– Пробросаясь, в девках засидишься и останешься вековухой. Скоро двадцать пять – пора уж и к месту. Я рада бы с тобой доживать, но замуж тоже надо выходить. Посмотри, какие мужики сватаются, а ты всё веселишься. Смотри, судьба отыграется...

И как в воду глядела. Ой, Олька, разве можно всего знать!

Где шагнуть, а где остановиться... Вот однажды к нам приехали два татарина и привезли маме бумагу. Мама с тёткой охнули, выпроводили меня в светёлку и закрылись с приехавшими. А у меня сердце как будто охнуло и заныло... Я сразу поняла, что-то случилось. Так и вышло. В этот день мама не приходила, и в доме была гробовая тишина. А когда утром вошла ко мне в светёлку, я её не узнала. Она превратилась в один день в старуху. Волосы уложены гладко, на голове платок по-татарски надет, глаза потухшие, заплаканные, и не смотрит на меня. Присела рядом на корточки и как заревет в голос:

– Прости меня, доченька, но ничего не могу сделать, нет больше моей воли. Давно должна была рассказать, но не решалась, вот и расчёт пришёл...

Долго мы с ней сидели и плакали, и рядили, но ейный отец, а мой дед крепко ещё тогда решил, при моём рождении, об этом и тогда приказчик привёз его волю.

Ну ладно, пошли покуда, потом доскажу. Я хочу тебе, светлой душеньке, всё поведать, знаю – не осудишь, светлая у тебя головка. А мне скоро собираться...

Мы собрали свой скарб, Степанида перекрестилась, и пошли дальше.

Степанида шла как в тумане, ничего не замечая. Она шла в своё далёкое прошлое, о котором никому не рассказывала, а я шла сзади и боялась даже напомнить о себе... Своим маленьким умишком я соображала, что этот рассказ её бу-

дет как тропка, ведущая в последний путь налегке. Я знала – бабушка и Степанида были читальщицами. Они провожали многих, и я всегда ходила с ними. Этот рассказ Степаниды как исповедь, но отпустить она могла только сама себе, а я как посредник меж ними – молодой и старой...

Дорога спустилась в овраг. Там было сыро и сумрачно. На самом дне протекал маленький говорливый ручеек. В рассеянном свете оврага и подлеска я увидела следы и свежий кал лося...

– Смотри, Олька! Смотри, как рождается новая жизнь. Да тише ты, тише...

Я не поняла, а Степанида увлекла меня в густые кусты ракитника и приказала помолчать. И вдруг я увидела, почти совсем рядом стояла лосиха и что-то вылизывала в траве. Я чуть не заорала от восторга и волнения, но Степанида накрыла мой рот своей грубой ладонью:

– Молчь, тихо. Не тревожь матку. Посиди посмотри, чего будет.

И случилось это чудо – чудо рождения живой души! Лосиха, охая, как женщина после родов, и вместе с этим радостно, втягивая носом воздух, фыркнула и вздохнула, осмотрелась и вдруг стала поднимать своей мордой малыша. Лосёнок был ещё мокрый, ошарашенный от яркого света, новизны ощущений и присутствия его в этом мире. Наконец-то он устоял, и мать тихонько начала подходить к нему и подсовывать его под свои опавшие бока к сосцам. Он тыкался своей

мордочкой, плакал слабым голосом и фыркал от ароматного духа, столь родного и незнакомого для него. Наконец он ухватил сосец и втянул в себя. Лосиха одобряюще фыркнула и замерла. Она стояла как изваяние, только уши прядали и ловили каждый звук.

Мы со Степанидой сидели ни живые ни мёртвые – вдруг лосиха учует. Но она не учуяла. Только втянула воздух большими ноздрями, отчего-то вздохнула, облизала своего телка и стала его подталкивать в глубину оврага.

Мы тихо вышли из укрытия и на носочках пошли дальше. Глаза у Степаниды даже искрились. Она была возбуждена. Что-то мне показывала жестами. А мне хотелось петь, кричать от счастья, от причастности к виденному. Сама природа шла к нам навстречу, открывая свои тайны.

– Вот видишь, Олька, ведь какая разница, кто ты ай человек, или животное – у всех есть мамы, и они всегда берегут и любят своих детёнышей. И нет врага сильнее, чем мать, защищающая своё чадо. В пример, волчицу даже матери боятся, если она с детёнышами и защищает их. Вот так и моя мама билась в неравной битве со своим отцом, сплетнями и предрассудками, что ребёнок, рождённый от любви, не может быть неудобным, незаконным и поганью... Ну поспешай, скоро придём на место, на затон, потом расскажу... Вот смотри, какая муравьиная дорожка, бегут мураши по своим делам и никто им не указ. Значит, погода будет хорошая и дорога удачная – такая примета. Учись, детка, тебе

Господь чуткую душу дал...

Часть 4

Мы шли по дороге, которая бежала змейкой вдоль оврага. С одной стороны нависали над ней орешники с кружевными листочками и раскидистые липы, с другой – под уклон оврага росло нескончаемое количество боярышника, шиповника и луговых трав. Запах стоял густой, тягучий, голова кружилась от влажного воздуха оврага, волнения виденного и желания скорее прийти на волжский берег.

Я была совсем ещё маленькой девочкой, и одобрительные слова Степаниды волновали и тревожили меня. Что мне предстояло узнать и понять, и сохранить в моей памяти, я не знала, но знала одно – так надо. И что у каждого своё предназначение. В чём моё предназначение, ещё неизвестно, но предназначение Степаниды просто, как сама жизнь – помогать людям. Сколько и чего ей пришлось пережить, только ей известно, и она решила мне всё рассказать, и это меня тревожило.

Вдруг дорожка выбежала из леса, и передо мной во всей своей красе засверкала водной гладью матушка и кормилица Волга. Здесь она достигала большой ширины, противоположный берег был едва виден. На высоком песчаном берегу выстроились в ряд корявые и большущие вековые сосны. Стволы были голые и причудливо извиты от волжских ветров и метелей. На макушках росли раскидистые ветви.

Они шумели, ветер не давал им покоя, и они вторили шуму волжской волны. Берег был залит солнечным светом. Чайки, взволнованные и разбуженные нашим появлением, взмыли в небо и пролетали над нами, проверяя, что же нам здесь нужно.

– Всё, привал. Давай обмоемся, отдохнём, поедим и пойдём собирать травы, пока вся роса не просохла. Пойдём, умоемся, а то глаза щиплет.

Степанида сняла пиджак, расстегнула чёрный полушалок и по-татарски загнула его назад, оставляя нижние концы сзади свободными. Белая косынка слетела, и я увидела красивые белые-белые косички, уложенные по-девичьи на её маленькой голове. Она озорно подоткнула повыше юбку и спустилась к воде. Степанида плескала себе в лицо прохладную зеленоватую воду и фыркала, как лосиха, наверно, ради смеха. Мне стало весело, и я побежала к ней вниз по тропинке. Она обернулась ко мне и, набрав пригоршню воды, брызнула на меня и засмеялась.

Её беззубый рот растянулся в блаженной улыбке.

– Хорошо-то как, Олька! Хорошо! Вообще жить хорошо... Цени... Ладно пошли, поедим и всё сложим здесь, и пойдём далее налегке.

Мы расположились на поваленной сосне, на самом берегу реки. Волны шуршали галькой и песком, солнышко уже было высоко. Прохладный ветерок шевелил белые кудреватые волосы Степаниды. Она опять сидела, ни на что не реагиру-

вала и что-то напряжённо вспоминала.

– Ну что ты тут уже, кызымка³, давай поедим и кваску попьём. Лёля знатный квасок делает. Много не выпьешь и пить не хочется. Замечательная у тебя бабушка. Все её уважают... – она опять замолчала, что-то жевала своим беззубым ртом и о чем-то думала.

– Всю жизнь я хотела забыть этот чёрный день, так круто изменивший мою жизнь, но не смогла. – она тяжело вздохнула и, как будто готовясь нырнуть, начала свой рассказ:

– Знаешь, Олька, тогда, когда увидела свою мать в своей светёлке, мне вдруг стало так страшно, даже не за себя, а за неё. Она всегда любила меня какой-то странною любовью. Она ласкала и гладила меня, баловала и разговаривала так, как будто рядом всегда мой отец и её любимый. Я уже достаточно взрослой видела, что она не меня любит, а того, моего отца, которого ей, так и не удалось больше увидеть. Сколько бы я ни спрашивала ни тётка, ни мама ничего не отвечали. Я привыкла, что его просто нет. И тут вдруг я вижу мою маму в слезах и убитую горем. Когда мама успокоилась, то сказала, вставая на колени:

– Прости, меня Стёпушка, за всё. Христа ради, прости. Я ведь ничего этого не знала. Выслушай мою исповедь и отпусти грехи, и послушайся меня. Другого пути нам твой дед и мой отец не оставил. Нам на раздумье только один день даден.

³ Кызымка – девочка, доченька.

– Я и знать не знала, что такое возможно в жизни. Росла я в достатке, правда, деда своего ни разу не видела, ни в чём не нуждалась. Мама и тётка меня баловали. Женихов было много, но пока замуж так и не вышла. Всё собиралась и выбирала. Ну думаю, на Святки выберу – всё пора, ан не тут-то было. Мама плакала и плакала, не могла успокоиться, я тоже очень тревожилась...

Потом мама продолжила свой рассказ, всхлипывая и вытирая глаза платком:

– Случилось это, – заговорила мама, – в одна тысяча восемьсот восьмидесятом годе. Было мне пятнадцать лет. Была на тот момент я единственной дочерью в семье, и мне не было отказов. На внешний вид была куклёнком: волосы русые с волной, глаза голубые, мамины, жаль, что мама умерла. Жила я с отцом и тёткой, его сестрой. У отца были лавки, текстильные склады. К нам часто приезжали приказчики за товаром. Я помогала тётке по хозяйству, поила их чаем и кормила ужином или обедом, стелила спать и иногда отпускала в лавках товар. Отец привык к этому и разрешал мне всё, считал, что труд на пользу пойдёт. Я была своенравная и с характером. Он думал, что со временем займусь его делом.

Но однажды из Казани к нам приехали приказчик с молодым хозяином-татаринном, звали его Вахит. Был он смугл, глаза, аккурат твои, большие, раскосые, словно спелые вишни. Мягко по-восточному в обращении, уважителен, высок

и строен. На меня смотрел с восхищением, нежностью и уважением к женщине. Однажды, когда отца с приказчиком не было дома, он пришёл ко мне. Господи, какие слова он говорил, как ласкал меня, не выразить словами, ну и уговорил. Решил меня взять увозом, у них там можно и пятнадцатилетнюю в жёны брать. Мулла прочитает Коран, и всё. А у меня он был первый и единственный. Влюбилась я без памяти... И вот они собрались уезжать, телеги нагрузили, чтобы на баржу везти, мои вещички припрятали на возке. Но отцу кто-то доложил, он меня запер. Что потом было, я не помню, помню только меня целый месяц держали взаперти. Я не ела, не пила, похудела, отец буйствовал, а когда узнал, что беременная от Вахита, велел тётке собираться и увезти меня, и больше чтоб на глаза не показывалась. Что я пережила, только Господь ведает, да моя тётя. Вот уже двадцать пять лет тут живу и ни разу отец не приезжал, и тебя не видел. И ничего не знаю, что стало с Вахитом. Сама я виновата, но тебя растила, баловала и любила всей неистраченной своей любовью, нежностью и бабьём счастьем. Ты – единственная моя отрада в жизни, а сейчас я должна и тебя лишиться. Ты прости меня за всё. Я должна была тебе всё сказать... А лучше – выдать как можно скорее замуж, но время упущено... Ну как я могла знать, доченька моя...

Она вновь заплакала так горько и безутешно, но чем ей помочь я могла...

– И вот настал час расплаты, – продолжила мама. – Вчера

приехал Асхат, а с ним мулла и привёз завещание моего отца и твоего деда. Полгода назад он умер и оставил завещание. Завещание состоит в том, что если ты не выйдешь до двадцати пяти лет замуж, то должна будешь стать третьей женой Асхата и всё состояние и имущество отойдёт ему.

– Я не могла ни слова вымолвить. Как же так? Меня замуж за старика, да ещё третьей женой... Не пойду, не пойду – стучала в мозгу кровь... Мать замятво лежала на ватолах⁴, и только слёзы ручьём стекали с её глаз. Она пыталась обнять меня за ноги, но не получалось. Я подняла её, дала полотенце, усадила на прикроватную скамеечку и спросила:

– Мама, а как же так? Зачем дед так поступил с тобой и со мной. А как же ты? Как тётя? Он ей что-то оставил?..

– По сути, я должна стать служанкой, зная татарские обычаи, – продолжила скорбно Степанида. – Я не могла ни плакать, ни кричать, просто сидела и смотрела на истерику матери. Вдруг в светёлку вошла старая тётка. Она изменилась и была сама на себя не похожа. На голове плотно надвинутый на глаза белый платок, завязанный узлом по-русски, праздничная одежда и какие-то вещи в руке.

– Ну что, Надежда, всё сказала Степаниде? Ну, чего теперь реветь... Нужно было думать головой, зная характер братца. Жаль, конечно, но не нужно было долго выбирать. Дождались... Чё уж теперь. Нужно подчиниться, Стёпушка, – сказала она с волнением в голосе, – говорила мать те-

⁴ Ватола – грубая крестьянская ткань.

бе, пробросаешься. Ну, вот и расплата... Ладно, Надежда тебе главного не сказала. От тебя теперь зависит наша судьба. Смилуйся, Стёпушка, смирись... Христом Богом просим. В завещании отец отдал всё состояние Асхату при условии, если ты пойдёшь в его дом третьей женой и будешь жить достойно, а мы с твоей матерью будем жить у тебя в приживалках, на твоих с Асхатом хлебах. Если ты откажешься, Асхат заберёт всё себе, а мы отправляемся на все четыре стороны. Вот, как братец распорядился. Так и не простил выходит мать-то... Это его старое чувство так и не дало ему покоя...

Он ведь долго не женился, почти до тридцати пяти лет. Всё выбирал, да и работы много было. Наш отец надорвался и рано ушёл. А потом на ярманке однажды увидел твою бабушку. Было ей шестнадцать лет и была писаная красавица. И как его скрутило. Он ни есть, ни спать не мог. Долго искал и разыскал. Была она дочка губернского преподавателя в университете. Жила в Самаре с родителями и была единственной дочкой. Он в Самару отправлял ситец, держал маленькую лавчонку и приезжий дом. Её выследил и частенько встречал. Родители и слышать не хотели. Дед твой был высок, кудряв, с бородищей, выглядел старше своих лет, а бабушка маленькая, статненькая, аккурат на тебя статью похожа. Умела на пианино играть и хотела учиться в университет идти. Но не тут-то было. Задарил её братец подарками и увёз к себе. Потом пышную свадьбу сыграли. Он не мог на неё насмотреться. Баловал, одаривал, а ей было скучно,

да и не любила она его. Мужиком обзывала. Деньги только тратила, а ничего по дому не делала. Он потом понял, как ошибся. Нужна была хозяйка в дом, а он привел себе жену, которая в дочки годится. Не ровня... Не под стать... Да и в постели он ей не нужен был... Вот братец и запил, и загулял. Господи, прости и помилуй... А твоя бабушка написала своему отцу и решила бежать домой. Когда отец её приехал, стали собираться, бабушке стало плохо. Вызвали врача, и оказалось, что она беременна. Так её отец ни с чем и уехал, а братец пить прекратил и стал ожидать наследника, но родилась Надежда.

А бабушка вскоре умерла – так и не оправилась от родовой горячки. Молодая была, ей семнадцать лет только было. Вот так и взял меня братец к себе, и стала я жить, нянчить Надежду и помогать ему во всём. Надежду он без памяти любил, баловал. Она была похожа на мать, а характером в отца. Но кто ж знал, что судьба повторится... Вот братец и залютовал, и не смог мать твою, Стёпушка, простить.

Мать он казнит за то, что полюбила и не послушала его, а меня за то, что проглядела. Смилуйся, Стёпушка, – продолжила тётя, – в тебе течёт татарская кровь, они своих не тронут, ты красивая, умненькая, а он старый, будешь ублажать и, может, ничего проживёшь. Глядишь, и мы с матерью с тобой. Мне немного осталось... Господи, прибери поскорей... Сил нет больше... Меня послали за тобой. В горнице накрыли стол, они сидят с муллой и хотят видеть тебя, вот при-

слал шаровары, другую татарскую одежду и накидку на голову – у них так положено, ты не должна выходить без неё к мужчинам. Дай я тебя одену, душечка моя, деточка. Как Господь допускает это, видать, за чьи-то грехи страдаешь... Спаси и сохрани, ласточка моя, и прости нас с матерью за то, что любили и баловали. Собралась, ну давай повяжу накидку. Пойдём... Пойдём скорее, ждут... Ты не спорь с ним и не гляди в глаза – так проще будет... Прошу тебя, не дури, смотри, мать вон вся убивается. Она у тебя одна, да я старая – защитить некому. Пойдём, голубка моя... Пойдём...

Она высморкалась в рушник и открыла дверь в горницу.

Часть 5

Мы вошли... Горницу я не узнала... В красном углу икон не было. У стола кругом стояли лавки, покрытые коврами. На столе лежала белая скатерть, а на ней большая книга и ещё что-то. Во главе стола сидел тщедушный старик, в чёрном кафтане, шитом бисером вместо окантовки, и с расширенными золотым шитьем манжетами. Глаза его были тёмными, с искоркой, живыми, внимательно смотрящими за всеми одновременно, а лицо спокойное, как каменное, без эмоций. На голове – бархатная шапочка с кисточкой. Я поняла, что это и есть мулла. Поодаль, а вернее по другую сторону стола, на скамье, покрытой ковром, сидел невысокого роста, крепкий, как боровик, мужчина. Одет был по-светски, волосы с маслом, гладко зачёсаны. Короткие, крупные руки были сжаты в мощные кулаки и спокойно лежали на столе. Его глаза, как буравчики, смотрели на меня оценивая и выжидая, что я скажу...

Мы вошли с тётей и встали у стола.

Асхат встал. Его чёрные яловые сапожки поскрипывали. Он подошёл ко мне, снял покрывало и стал рассматривать.

– Ладненькая выросла... Похожа на родственничка, и такие же чёртики в глазах скачут. Жаль, не дожил свидетелься. Ну ладно... Я привёз завещание от твоего деда. Ты не вздумай перечить, у нас с этим строго. Не знали мы, что ты есть,

давно забрали бы к себе, негоже татарке жить в безверии. Вот наше решение: завтра с утра, после утреннего намаза, будет свадьба. Я беру тебя и твою мать с тёткой с собой. Один день на сборы. Много не бери, всё равно у нас не пригодится... Что смотришь зверьком? Приручу, объезжу, как дикую лошадку. Хороша будешь. Да, свадьба будет скромная. Мулла почитает Коран, пообедаем и в путь. И без глупостей! Ну, старая, пошли, а ты, мулла, расскажи ей о наших обычаях и её послушании, а то ужо.... Ладно, пошли. Где Надежда? Как она?..

– Я стояла, не могла ни двинуться, ни слова сказать. Что же делать? Мысли, как искры костра, то взлетали, то тут же гасли и опять жгли всё нутро. Как отвести эту беду? Неужто, если я откажусь, он выгонит маму с тётёй на улицу? Не верю, но кто его знает... Ко мне подошёл мулла и стал что-то спрашивать и что-то говорить. Я ему кивала в ответ. Но ничего не помню, о чём. Потом он заставил меня прочесть молитву на татарском, повторяя за ним, и отпустил. Напоследок сказал, что я должна все волосы на теле сбрить, пользоваться кумганом⁵

⁵ Кумган – кувшин для воды с носиком, ручкой и крышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.